

RU

Статус пограничных компонентов антропонимической формулы в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в.

Городилова Л. М.

Аннотация. Цель исследования - определить статус структурных компонентов, занимающих пограничное положение в антропонимической формуле. Научная новизна исследования заключается в уточнении спорных понятий «антропонимическая формула» и «антропонимическая модель», определении функций структурных компонентов именованного лица, разработке принципов разграничения средств номинации и идентификации лица. В результате доказано, что одни и те же лексемы могут выполнять различные функции - характеризующие или классификационные, что и определяет их статус: в препозиции это аппеллятивы-идентификаторы, в постпозиции - антропонимы, замыкающие антропонимическую модель.

EN

Status of Border Components of Anthroponymic Formula in Business Writing Monuments of the Yenisei Siberia of the XVII Century

Gorodilova L. M.

Abstract. The aim of the study is to determine the status of the structural components occupying a border position in the anthroponymic formula. The scientific novelty of the work lies in clarifying the controversial notions of “anthroponymic formula” and “anthroponymic model”, determining the functions of the structural components of naming a person, developing principles for distinguishing between means of nomination and identification of a person. As a result, it has been proved that the same lexemes can perform different functions - characterizing or classifying ones, which determines their status: in preposition, they are appellatives-identifiers; in postposition, they are anthroponyms that close the anthroponymic model.

Введение

Не вызывает сомнения вопрос о том, что антропонимы представляют собой особую часть лексической системы языка, которая функционирует по собственным внутренним законам. Именно это особое положение имен собственных, а также их историческая, этнографическая и социальная составляющие вызывают повышенный интерес исследователей-ономастов к данному пласту лексики. Научной классикой стали труды Н. А. Петровского, В. К. Чичагова, А. Н. Мирославской, А. М. Селищева, В. А. Никонова, С. Б. Веселовского, Н. К. Фролова, Л. М. Щетинина, Б. О. Унбегауна, В. Д. Бондалетова, А. В. Суловой, А. В. Суперанской, В. И. Супруна и др.

Много внимания уделяется исследованию региональных антропонимиконов периода формирования русской нации – наиболее сложного периода в становлении общерусской антропонимической системы. Своеобразие региональной антропонимии отражено в работах С. И. Зинина (по переписным книгам русских городов XVII в.), Г. Я. Симиной (по пинежским памятникам деловой письменности), В. И. Тагуновой (по муромским источникам), А. Н. Мирославской, А. В. Блохина (по деловой письменности Новгорода), Н. К. Фролова (по памятникам письменности Воронежа), Л. М. Щетинина (по письменности Дона), И. М. Ганжиной (по тверским памятникам). Описано антропонимическое пространство белозерских памятников (Т. В. Бахвалова), пензенских (Т. А. Закачкиова), нижегородских (Н. В. Данилина, А. А. Ильичев), пермских (Е. Н. Полякова, М. В. Боброва, Л. А. Белова), вологодских (Ю. И. Чайкина, Г. В. Судаков), смоленских (И. А. Королева), карельских (Е. Ф. Теплов, И. А. Кюршунова), документов Верхнего Подвинья (С. Н. Смольников) и Прикамья (Н. В. Медведева) и др. Значительно меньше работ по антропонимии памятников письменности, созданных на территории Зауралья. В настоящее время хорошо известны работы В. В. Палагиной и Л. А. Захаровой по деловым текстам Томского разряда, Н. Н. Парфеновой – по архивным источникам Зауралья, Е. Ю. Сидоренко – по памятникам деловой письменности Тобольска, Л. М. Городиловой – по рукописным источникам Приенисейской Сибири.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в исторической антропонимике, все еще остаются нерешенные проблемы. К числу таковых относится вопрос об определении статуса отдельных компонентов в структуре именования лица, который имеет принципиальное значение для установления компонентного состава антропонимической модели и получения достоверных данных о структуре последней.

Актуальность проводимого исследования определяется необходимостью решения спорного вопроса о квалификационном статусе отдельных компонентов, входящих в структуру антропонимической формулы. Актуальным представляется и уточнение отдельных понятий исторической антропонимики, не имеющих однозначного толкования.

Задачи исследования:

- уточнить содержание спорных категорий номинации и идентификации лица в памятниках делового содержания XVII в.;
- доказать необходимость введения в научный оборот терминов «антропонимическая формула» и «антропонимическая модель»;
- провести анализ лексем со значением 'род деятельности лица', занимающих пре- и постпозицию по отношению к ядерной зоне в составе антропонимической формулы;
- представить описание прозвищ, мотивированных трудовой деятельностью первопоселенцев Приенисейской Сибири.

Для решения поставленных задач использовались общие методы лингвистических исследований: сравнительно-сопоставительный, структурный, лексико-семантический, количественно-статистический, описательный, а также методики функционального анализа и др. В работе нашли применение и частные приемы ономастического исследования: текстологический анализ, дифференциальный и генетический анализ антропонимов, словообразовательный и структурный анализы антропооснов.

Источником исследования послужили неопубликованные рукописные материалы XVII в., хранящиеся в фонде Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (Москва): книги именные окладные денежного жалованья служилым людям, ружникам и оброчникам Енисейского острога 1632-1633 гг. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 47, л. 83-90); доездной список красноярского подьячего Василия Еремеева 1654 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 344, л. 5-10); именные и переписные книги пашенным крестьянам Енисейского уезда 1667-1695 гг. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 505, л. 137-141; кн. 527, л. 424-491; кн. 1089, л. 100-139); переписные книги енисейским служилым и посадским людям 1669 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 283-342, 345-423); переписные книги Красноярского острога и уезда служилым, посадским, пашенным крестьянам и всяких чинов людям 1671 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 162-213); дозорная книга Енисейского острога и уезда 1673 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 580, л. 1-357); енисейские и красноярские крестоприводные книги 1676 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 605, л. 31-156, 207-244); переписные книги пашенных крестьян Спасского, Рождественского и Троицкого монастырей 1679 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 403, л. 1-46, 47-123, 125-182); переписные книги Енисейского острога и уезда 1691 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 48-82, 112-147); переписная ценровая книга постоялых дворов Енисейска 1704 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1390, л. 53-63) и др.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвященные описанию структурных особенностей антропонимов (Зинин, 1969; Карлова, 1991; Никонов, 1982; Палагина, 1976; Пахомова, 1984; Фролов, 1972), изучению зависимости именования лица от жанровой специфики текста и анализу функций антропонимов в составе старорусской антропонимической формулы (Королева, 1995; 2000; Смольников, 2005; Чичагов, 1959; Щетинин, 1980; 1986). При установлении приемов определения статуса постпозитивных компонентов антропонимической формулы учтены наблюдения авторов, сделанные при исследовании локально приуроченных памятников Смоленщины (Королева, 1995; 1999; 2000; 2018) и Карелии (Кюршунова, 2015, 2016).

Практическая значимость работы заключается в уточнении ономастических понятий и упорядочении антропонимической терминологии, что будет способствовать усовершенствованию антропонимических исследований старорусских памятников письменности. Значимость работы состоит и в возможности применения полученных результатов при сравнительном описании антропонимического фонда других регионов. Фактический материал может быть использован в практике преподавания вузовских курсов по лингвистическому источниковедению, лингвокраеведению, региономастике.

Основная часть

1. К вопросу о номинации и идентификации лица

Со второй половины XX в. ученые-ономасты все чаще обращают внимание на то, что в текстах делового содержания номинация лица и его идентификация представляют собой разные понятия. Соответственно, для каждого из этих понятий должны быть свои средства выражения. Однако на практике во многих исследовательских работах отразилось неразличение номинативных и идентифицирующих средств, что привело к появлению большого количества терминов: «антропонимическая структура» (Фролов, 1972; Палагина, 1976), «антропосочетание» (Пахомова, 1984), «антропонимическая формула» (Карлова, 1991), «структурная формула именования», «антропонимная формула», «развернутая антропонимическая формула именования», «развернутая антропонимическая структура», «развернутая структурная формула именования» (Королева, 1995; 2000; 2018), «антропонимическое сочетание» (Смольников, 1996; 2005), «именная формула» (Коваленко, 2003),

«антропонимическая формула именованя лица» (Соловьев, 2005), «модель именованя лица», «развернутое именоване лица» (Неволина, 2011), «полное имя индивида» (Астахова, 2012) и др.

На наш взгляд, формула номинации и идентификации лица, во всяком случае по отношению к письменным источникам XVII-XVIII вв., должна включать разные параметры, то есть содержать разнородные (квалификационные и характеризующие) элементы, на что еще в 1969 г. указывал С. И. Зинин (1969): «...формула именованя лица могла включать в себя не только собственно антропонимические элементы именованя (имя, отчество, фамилия), но и дополнительные указания на занимаемую должность, звание, занятие и т.д.» (с. 5-6).

2. Понятие антропонимической формулы: структура и состав

Анализ рукописных памятников, созданных на территории Приенисейской Сибири, позволяет выделить антропонимическую единицу, способную выполнять классификационную и идентифицирующую функции.

Полагаем целесообразным назвать данную единицу **антропонимической формулой**, выделив в ее структуре центральную (ядерную) и периферийную зоны. Ядром антропонимической формулы является выполняющая классификационную функцию антропонимическая модель в ее традиционном понимании – совокупность сочетания личного имени, патронима, прозвища, фамильного прозвания или фамилии, расположенных в определенной последовательности. На способность выполнения именем собственным (антропонимической моделью) классификационной функции обратил внимание В. А. Никонов (1982), писавший: «Хотя представление, что имя служит для различения, нуждается, по крайней мере, в серьезной поправке: оно не только разделяет, но и вводит в ряд. Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято, независимо от его исходного этимологического значения» (с. 32). Этой же точки зрения придерживаются М. В. Никитин (1988, с. 24), Ю. С. Азарх (1981, с. 6), С. Н. Смольников (2005, с. 192) и др.

Таким образом, ядерная зона антропонимической формулы – антропонимическая модель, безусловно, выполняющая классификационную функцию, отличается ограниченным набором антропокомпонентов и стабильной последовательностью их расположения: *Захарко Ошаров, Васка Спиридонов, Кирилко Максимов, Семейка Петров, Васка Федоров снъ Смолянинов, Никитка Иванов снъ Гуцеед, Васка Ивановъ сын Аталыкова Ивашко Михайлов Кохтуров* (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 198 об.).

Периферийная зона антропонимической формулы, включающая апеллятивную лексику, представляет собой *индивидуализирующий компонент*, который «обусловлен представлением об отличительных свойствах носителя имени» (Смольников, 2005, с. 44). Такие средства, характеризующие лицо по определенным признакам, в научной литературе получили название «дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов» (Королева, 2000, с. 12) или «идентификаторы» (Кюршунова, 2016, с. 64).

Наша трактовка структуры антропонимической формулы находит поддержку в исследовании Л. В. Карловой (1991), которая писала, что «в антропонимической формуле непременно должны присутствовать и апеллятивная, и антропонимическая части, ибо отсутствие первой делает конструкцию чистой антропонимической моделью, отсутствие второй превращает именные формулы в перечень обобщенных нарицательных названий, даваемых ряду однотипных объектов» (с. 5).

В зависимости от жанра документа (Чичагов, 1959; Щетинин, 1980; 1986; Королева, 1999; 2000) идентификаторы в составе антропонимической формулы могут занимать пре- и постпозицию по отношению к ядру (антропонимической модели) и выражаться как одиночными апеллятивными лексемами, так и предикативными или полупредикативными сочетаниями, несогласованными определениями, например: «...десятникъ Мартынка Яковлев живет в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 198 об.), где ядерная зона (антропонимическая двухкомпонентная модель) – *Мартынка Яковлев*, периферийная зона, расположенная в препозиции, указывает на занимаемую должность в служебной иерархии социума (*десятник*), в постпозиции находится предикативное сочетание, уточняющее место жительства лица (*живет в городе*). Ср. также: «...тюремной сторож Федка Коровин палач Федка Кирилов живет в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 196 об., 197); «...Остапко Карпов живет в деревне Лодейской» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 196 об., 197); «...двор пашенного Коземки Юрева у него сын Афонка шеснатцати лет женат у него ж пасынок Алешка шти лет» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 425); «...во дворе крстьянин Коземка Васильевъ <...> Усоля Вычегоцког с Виледи реки Миколской волости» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 403, л. 56 об.) и под.

Как правило, в препозиции стоят апеллятивы, идентифицирующие лицо по социальной принадлежности (*бобыль, гулящий человек, пашенный крестьянин, посадский человек, служилый человек* и др.), по роду деятельности (*бронник, лучник, палач, плотник, пушкарь, трудник* и под.), по характеру родственных отношений (*родной брат, сродной брат, двоюродной брат, внук, деверь, дядя, жена, зять, отец, пасынок* и др.), по месту рождения или первоначального жительства русских переселенцев (*важанин, вологженин, вычегжанин, казанец, колмогорец, лалетин, мезенец, поморец, сысолятин* и др.), по месту постоянного жительства на территории Приенисейской Сибири оседлой части населения (*енисеец, сибиретин, Енисейского города, Мангазейского города, Тазовского городка, села Атаманова*), по иерархии в культовой сфере (*архиепископ, игумен, пономарь, просвирица, старец, старица, белой поп, черной поп, чернец* и под.). При этом лексемы со значением 'название лица по социальной принадлежности', 'название родственников', 'название служащих культовой сферы' в анализируемых рукописях отмечены только в препозиции; со значением возрастной характеристики лица (обычно о детях) – только в постпозиции. Так, в переписных книгах Енисейского и Красноярского уездов находим: «...дьячекъ Ивашко Автамонов а у нег снъ Семейка 7 летъ пономар Ивашко Яковлев а у него снъ Гришка 16 лет» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 196) «...двор пашенного Микишки Микитина Варакина у него брат Матюшка»

(РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 428); «...во дворе крстьянин Федотко Кирилов а у него детей сынъ Сенка дватцати летъ сын Сенка ж десяти летъ» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 403, л. 51) и под.

3. Постпозиционные лексемы в составе антропонимической формулы и их статус

Проблемным является определение статуса лексем со значением 'название лица по роду деятельности', 'название лица по месту рождения или жительства' и 'название лица по этнической принадлежности', которые могут располагаться как перед антропонимической моделью, так и после нее. В препозиции данные апеллятивные лексемы выполняют идентифицирующую функцию и потому однозначно получают статус идентификатора в составе антропонимической формулы: «...острожной воротникъ Оверка Шербакъ съезжей избы сторож Тимошка Максимов» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 196 об.); «...принес в Красноярском остроге к воеводе к Михаилу Федоровичю Скрабину пушкарь Ивашко Обѣднинъ камень» (РГАДА, ф. 214, оп. 3, ст. 344, л. 5); «...оклад 6 рублей 16 алтнъ кузнец Оксенко Варламов оклад 5 рублей мельник Филька Ефимов полач и тюремный сторож Оска Семенов» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 47, л. 88) и др.

Однако совсем иную картину представляют те же лексемы в постпозиции по отношению к антропонимической модели. Неслучайно исследователь памятников деловой письменности Карелии И. А. Кюршунова (2016) ставит вопрос: «...в каком случае дополнительный идентификатор можно и нужно считать компонентом именования – единицей, занимающей пограничное положение между именем собственным и нарицательным (и, может быть, являющимся онимом), а в каком его можно оставить за границей антропонимической структуры, где дополнительный идентификатор равен апеллятиву?» (с. 65).

В работах антропонимистов-историков пока нет единства мнений в ответе на поставленный вопрос. Так, И. А. Кюршунова (2016) предлагает учитывать «длину» антропонимической номинации: если определяющее лицо слово стоит после многокомпонентной структуры, то в таком случае, по ее мнению, «вряд ли следует видеть процесс антропонимизации», поскольку такой компонент «избыточен для индивидуализации лица, его антропонимический коэффициент нулевой» (с. 67). Иной подход предлагает И. А. Королева (2000): «Если же слово, обозначающее название профессии, стоит в *постпозиции* по отношению к личному имени, то это уже атропоним, выполняющий функции либо семейного именования, либо индивидуального обозначения» (с. 22). С. Н. Смольников (2005, с. 229–230) все характеризующие лицо компоненты, употребляемые в постпозиции, считает неантропонимическими средствами, относящимися к антропосочетанию в целом.

4. Статус лексем с указанием на род деятельности в памятниках Приенисейской Сибири

Рассмотрим примеры употребления лексем с указанием на род деятельности в памятниках делового содержания Приенисейской Сибири. Заметим, что в рукописных источниках при написании личных имен прописная буква не употребляется вплоть до конца XVII в., что существенно затрудняет разграничение апеллятивов и антропонимов в составе антропонимической формулы, например *кузнец* или *Кузнец*. Применение графического анализа оказывается неэффективным.

В переписной книге Красноярского острога и уезда находим: «...пушкарь Елеска Ефремов сын кузнец/Кузнец?»; «...десятник Ивашко Ларионов сын кузнец/Кузнец?»; «...Андрюшка Чернухин кузнец/Кузнец? живет в селѣ Ясаулове» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 170, 180, 194 об.) и др. Полагаем, что в подобных контекстах идентификатором лица являются стоящие в препозиции и указывающие на род деятельности апеллятивные лексемы *пушкарь* и *десятник*, а лексема *Кузнец* в каждом из приведенных случаев является прозвищным именованием, поскольку обладает высокой степенью номинативной связанности с антропонимическими компонентами, имеет ненулевой антропонимический коэффициент, способна выполнять функцию третьего компонента в антропонимической модели – прозвища, прозвания. Кроме того, структурно-семантический анализ текста позволяет увидеть, что пушкарь и десятник не могли заниматься кузнечным делом, поскольку включены составителем документа в раздел «Пешие служилые люди», что также усиливает антропонимический коэффициент. Кузнечную работу выполняли другие жители Красноярского города, о чем прямо говорится в тексте переписной книги: «...кузнецы Кондрашка Мосѣвъ а у него снъ Мишка 8 лѣтъ Максимко Мосѣвъ а у него детей Гаврилко 16 лѣтъ Юрка 13 лѣтъ Пронка 12 лѣтъ живут они кузнецы в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 196). Переписная книга четко структурирована, каждый раздел имеет подзаголовки, что также является своего рода коллективным идентификатором лица. Во всей книге последовательно род занятий указывается апеллятивом, который расположен в препозиции по отношению к антропонимической модели: «...атаман Родион Иванов сын Колцовъ живет в деревне Милославовской <...> пятидесятникъ Ларион Иванов сын Турчанин живет в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 177); «...десятникъ Григорей Иванов снъ Фотиевъ живет в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 178); «...толмач Ивашко Худяков живет в городе» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 195 об.); «...в той же Надпорожной слободѣ живет попъ Калинникъ Василевъ а у него снъ Оника в пономарех церковной дьячек Максимко Павлов а у него снъ ево Мишка 10 лѣтъ» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 201 об.) и др. В таком случае можно вполне согласиться с И. А. Королевой (2000, с. 22) в том, что лексема, стоящая в постпозиции по отношению к личному именования, – это уже атропоним, не идентификатор.

Подобную картину наблюдаем в дозорных, писцовых, именных и переписных книгах пашенных крестьян Енисейского и Красноярского острогов и уездов, в которых фиксируется указание не только на социальный статус лица (*крстьянин, пашенный крстьянин, государев крстьянин*), но и на другие профессиональные

промыслы, выделяющие отдельных представителей крестьянского сословия в своем социуме. Указание на принадлежность к социальной среде в составе антропонимической формулы всегда стоит в препозиции по отношению к антропонимической модели. Лексемы, обозначающие названия дополнительных промыслов, мы относим к антропонимической лексике и включаем в антропонимическую модель в качестве прозвища. Например: «...двор пашенного крестьянина Васки Черепана у него детей...» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 474); «Верхние деревни пашенные крестьяне Федка Семенов сын Овчинник» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 580, л. 19); «Енисейского присуду Еланского острогу пашенные крестьяне Васка Кондратьев сын Черепан с сыном с Ондрюшкою со внучаты с Микишкою з Давыдком с Стенкою» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 580, л. 259) и др. Среди крестьянского населения подобные именованья отмечаются достаточно редко, преимущественно в рукописях второй половины XVII в.: *Костка Михайлов Красилник, Юрка Михайлов Красилник, Мишка Пастух, Фетка Торочечник* [*торочечник* – ‘человек, плетущий тороки – ремни, приделанные сзади седла для привязывания мешка, сумы с вещами и другой поклажи’ (СлРЯ, 2015, с. 64, 66)] – в документах 1654 г., *Семейка Мясник, Петрушка Коровник, Васка Кондратьев сын Черепан* – 1667 г.; *Ивашко Черепан* – 1670 г.; *Ивашко Коновал* – 1671 г.; *Ивашко Дмитриев сын Мелник, Федка Семенов сын Овчинник, Васка Матвеев сын Сапожник* – 1673 г.; *Данилко Иванов сын Плотник, Мишка Клементьев сын Портняга* – 1691 г.; *Мишка Масленик, Ивашко Титов сын Ситник, Гришка Никонов сын Шапошник* – 1695 г. и др.

Все выявленные в первоисточниках прозвища образованы от апеллятивов со значением ‘род деятельности лица’, которые подверглись антропонимизации, что вполне допустимо при условии, «если деятельность человека по каким-то причинам выделяется в социуме, например, человек – единственный, кто выполняет определенный вид работы в сельской по преимуществу местности» (Кюршунова, 2015, с. 161).

На устойчивость данного компонента в составе антропонимической модели указывает и факт сохранения прозвища при переселении крестьян из европейской части Руси на территорию Приенисейской Сибири: «Ивашко Микифоров сын Ситник родом он Соли Вычегоцкой крестьянской сын в Енисейск пришел тому лет сорок»; «Данилко Иванов сын Плотник родом он Московского уезду Куневской волости крестьянин и в прошлых годах при столнике и воеводе Кириле Яковлеве сослан он с Москвы в Енисейск»; «Мишка Клементьев сын Портняга родом он стародубец Яковцовской волости крестьянин в Енисейск сослан при столнике и воеводе Кириле Яковлеве» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 59, 112, 112 об.) и др.

При переводе в крестьянское сословие, что характерно для Приенисейской Сибири, бывшие служилые и посадские люди также сохраняли ранее полученное прозвище, о чем свидетельствуют примеры из рукописных памятников: «Тараско Яковлев сын Кожевник родом он тотменин посацкой члвк в Енисейск сослан в пашню при столнике и воеводе Кириле Яковлеве живет вверх по Белой речке дрвня Монгазейская слобода» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 116); «Микулка Дементьев сын Боробанчик родом он москвитин <...> стрелец в Енисейск сослан в пашню при столнике и воеводе Кириле Яковлеве» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 117); «Федка Савелев сын Гранатчик послан он Федка за убийство из Новой Подгородной слободы в Ёркуцкой в ссылку» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1089, л. 119 об.) и др.

На принадлежность отапельлятивных образований к антропонимической лексике и вхождение их в антропонимическую модель указывает и тот факт, что некоторые из них, по свидетельству письменных памятников, передавались из поколения в поколение и становились основой фамилии: «Ивашко Дмитриев сын Мелник з детьми с Микишкою с Олешкою», 1673 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 580, л. 280 об.) – «Микитка Иванов сын Мелников Алешка Иванов сын Мелников», 1695 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1089, л. 132 об.). От прозвища *Кузнец* образовалась фамилия *Кузнецов*, отмеченная в разных рукописных источниках Приенисейской Сибири, например: «Сергушка Васильев сын Кузнецов живет в деревне Лодейской» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 195 об.).

Кроме сказанного следует учитывать и то, что в переписных книгах Приенисейской Сибири не выявлены случаи употребления однокомпонентных именованний дворовладельцев (кроме случаев повторного употребления именованья лица или именованья детей). Если допустить, что лексемы *скорняк*, *медник* и подобные являются апеллятивами (идентификаторами), то это разрушает общую картину антропонимикона русских первопоселенцев, в котором, как уже сказано, отсутствуют однокомпонентные антропонимы как официальные именованья переписываемых лиц разного сословия: преобладающими на всем протяжении XVII в. являются двухкомпонентные антропонимические модели в составе антропонимической формулы с выраженной тенденцией к употреблению трехкомпонентных. Ср.: «...по Березовской улице на лѣвой стороне в мѣжах с одну сторону енисѣйского посадцкого члвка Ивана Скорняка» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1390, л. 55 об.); «...посадцкий члвк Ивашко Медник», «...дрвня Роспопина а в ней пашенные крстьяне <...> Семейка Мясник» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 505, л. 140 об.) и «...в деревне Лодейской Васка Агафонов сын Мѣдник <...> живут они в селѣ Ясаулове Ивашко Агафонов сын Мѣдник» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 566, л. 199); «...вкладчик Илюшка Андрѣевъ Кузнецъ родом сказан из Сибири ис Тоболска Красной слободы» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 403, л. 158 об.) и под.

Единичными в рукописных документах являются примеры, в которых постпозиционно расположенные лексемы со значением ‘род деятельности лица’ не подвергаются антропонимизации, сохраняют основное апеллятивное значение и выполняют идентифицирующую функцию. Так, в примере: «Васка Филипов сын кузнец и черепан он же родом он устюжанин крестьянской сын в Енисейск пришел тому лет з дватцат» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 147) лексемы *кузнец* и *черепан*, объединенные союзом *и*, прямо указывают на сферы дополнительной деятельности пашенного крестьянина, а потому являются идентификаторами при антропонимической модели «Васка Филипов сын». О кузнечном промысле Васки Филипова говорит и другой

контекст из того же документа: «...дрвня Михалевская в той же дрвне кузница пашенног крестьянина Васки Филиппова» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1419, л. 148 об.).

Особый интерес представляет переписная книга Енисейска и Енисейского уезда 1669 г. (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 345-423) – единственная сохранившаяся рукопись, в которой содержится информация о 411 посадских людях и их родственниках. В книге зафиксировано не только указание на место жительства представителей данного сословия, но и подробно описан род занятий каждого из них.

В отдельных случаях указание на род деятельности совпадает со значением постпозиционно расположенной лексемы, что вызывает трудности в определении статуса последней – апеллатив или антропоним? Например: «...двор посадцкого члка Петрушки Свѣчника (свечника?) <...> промысел у него свечной» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 351); «...двор посадцкого члка Марчка Мѣдника (медника?) <...> промысел у него мѣдное дѣлает», «...двор посадцкого члка Никитки Сапожника (сапожника?) <...> промысел сапожное дѣлает» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 356); «...двор посадцкого члка Петрушки Ефремова Скорняка (скорняка?) <...> промышляет скорнячеством» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 359); «...двор посадцкого члка Илюшки Ермолаева Мясника (мясника?) <...> промышляет мясничеством» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 377) и под. Полагаем, что в подобных контекстах после личного имени или патронима употребляется не идентификатор, а антропоним, выполняющий функцию личного или семейного прозвища, поскольку указание на род деятельности лица представлено отдельной описательной конструкцией: *делает сапожное, делает чеботное, делает шапки женские, бронное делает, колодези делает, шьет портное, ровдуги делает, серебряное делает, иконное пишет; промышляет рыбу, промышляет свечным промыслом; промысел у него кожевной, промысел у него колачной да харчевной, промысел у него мыльной, промысел у него токарной, промысел у него хлебы печет, промысел у них плотничают да за Маковской волок ездят в наймах, в посаде переторговывает в Енисейску* и др.

Указание на промыслы может отделяться от именованя лица иной дополнительной информацией, в то время как лексемы со значением ‘род деятельности’ всегда стоят после личного имени или патронима, образуя с ним целостную антропонимическую единицу: «...двор посадцкого члка Ивашка Яковлева Серебряника дѣтеи у него нѣтъ промысел дѣлает серебряное дѣло» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 366).

Двухкомпонентные именованя посадских в анализируемой переписной книге составляют 56% от общего числа дворовладельцев, что ставит именованя, образованные от названий профессий, в один ряд с другими двухкомпонентными структурами: *Петрушки Свечник, Марчко Медник, Петрушка Котельник – Осипко Ермолин, Костка Ларионов, Васка Богомол, Ивашко Клепик, Ондрюшка Кырнай, Максимка Чигара* и под.

Кроме того, отапеллятивные прозвищные именованя посадских, по свидетельству переписной книги, далеко не всегда отражали реальный род занятий лица, например: «...двор посадцкого члка Никонка Тихонова Соловара <...> у него ж Никонка братъ Ивашко Тихонов <...> у них же Никонка да Ивашка три давки в рыбном ряду» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 346); «...двор посадцкого члка Ярафейка Мотошина Плотника у него ж лавка да харчевня» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 353); «...двор посадцкого члка Ивашка Бронника промысел у него кожевной» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 371); «...двор посадцкого члка Ортюшка Еремиева Мыльника промыслу у него никоторово нет» (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 353) и др. Подобные примеры в рукописной книге явно преобладают, а потому данный факт можно интерпретировать как доказательство утраты апеллативом первичного значения и переход его в разряд антропонимических единиц, выполняющих классификационную функцию.

Антропонимизация апеллативной лексики, обозначающей лицо по роду деятельности, подтверждается примерами из других источников, содержащих списочный состав населения Енисейска. Так, в крестоприводных книгах Енисейска и Красноярска в числе приводимых к присяге людей указаны: *Ивашко Ложник, Микитка Сапожник, Митка Пивовар, Капрушка* (так в ркп) *Серебреник, Костька Чарошник, Аничка Ситник, Данилко Харчевник* (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 605, л. 47 об.); атаман *Трошка Тетерин Барабанщик*, пушкарь *Гришка Черепан*, воротник *Офонка Золотарь* (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 605, л. 212 об., 218 об.). Для составителя документа это, безусловно, уже устойчивые именованя лица, не требующие дополнительной характеристики.

Заключение

Таким образом, исследование отразившихся в рукописных памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. именованй лиц разной социальной принадлежности позволило уточнить понятия номинации и идентификации лица. Анализ переписных книг разных типов показал целесообразность использования таких антропонимических единиц, как «антропонимическая формула» и «антропонимическая модель», имеющих свой набор отличительных признаков. Именно антропонимическая формула дает возможность максимально полно представить описываемое лицо с учетом классификационных и идентифицирующих факторов.

Периферийная зона антропонимической формулы включает ряд компонентов, конкретизирующих лицо по признаку социальной принадлежности, по месту рождения и проживания, по роду деятельности, по этнической или возрастной принадлежности и др. Как правило, лексемы, расположенные в препозиции по отношению к ядерной зоне, получают статус идентификатора (конкретизатора), поскольку выполняют характеризующую функцию. Спорным является определение статуса лексем, стоящих в постпозиции по отношению к антропонимической модели.

Исследование одной группы лексем со значением 'род деятельности лица', зафиксированной в переписных книгах Приенисейской Сибири, позволяет сделать следующие выводы:

1) в препозиции лексемы *бронник, кузнец, медник, мельник, мясник, плотник, серебряник, ситник, соловар, шапошник* и под. выполняют характеризующую функцию и потому являются идентификаторами, выраженными апеллятивами;

2) в постпозиции апеллятивы со значением 'род деятельности лица' подверглись десемантизации, утратили способность к характеристике лица, перестали выполнять идентифицирующую функцию, перешли в классификационный разряд антропонимов и стали структурным компонентом антропонимической модели на правах замыкающего члена – индивидуального или семейного прозвища, от которого впоследствии образовались «профессиональные» фамилии, юридическое закрепление которых в рукописных материалах наблюдается уже в конце XVII – начале XVIII в.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении катойконимов, этнонимов и образованных от них антропонимов, что позволит подтвердить или опровергнуть полученные результаты.

Источники | References

1. Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика / под ред. Л. П. Калакуцкой. М.: Наука, 1981.
2. Астахова Т. С. Система именованій лиц в истории русского языка: автореф. дисс. к. филол. н. М., 2012.
3. Зинин С. И. Русская антропонимия XVII-XVIII вв. (на материале переписных книг городов России): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ташкент, 1969.
4. Карлова Л. В. Способы и средства антропонимической номинации в южновеликорусских отказных книгах первой половины XVII века: автореф. дисс. к. филол. н. К., 1991.
5. Коваленко А. Ю. Имена собственные в псковской деловой письменности: на материале «Подлинной писцовой книги города Пскова и его окрестностей» 585-87 гг.: автореф. дисс. к. филол. н. СПб., 2003.
6. Королева И. А. Антропонимы в смоленских грамотах XII-XIV вв. // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении: межвуз. сб. науч. тр. / Смоленский государственный педагогический университет. Смоленск, 1995.
7. Королева И. А. Из истории складывания русской антропонимической формулы именованія в Смоленском крае (по памятникам деловой письменности XVII века) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2018. № 2.
8. Королева И. А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск, 1999.
9. Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: автореф. дисс. д. филол. н. М., 2000.
10. Кюршунова И. А. Структура именованія лица в памятниках письменности Карелии XV-XVI веков (модели именованій) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2016. № 7-2 (160).
11. Кюршунова И. А. Ценностные ориентиры русского человека сквозь призму имени собственного (по материалам региональной антропонимии XV-XVII вв.) // Jezikoslovní zapiski. 2015. № 21/1.
12. Неволина А. М. История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI-XVII вв.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2011.
13. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988.
14. Никонов В. А. Личное имя - социальный знак // Глазами этнографов: сб. ст. / сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 1982.
15. Палагина В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII в. // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой: сб. ст. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1976.
16. Пахомова С. Н. Русские составные личные именованія донационального периода: автореф. дисс. ... к. филол. н. Одесса, 1984.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214.
18. Словарь русского языка XI-XVII вв. (СлРЯ). М.: Наука, 2015. Вып. 30 / гл. ред. Р. Н. Кривко.
19. Смольников С. Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья (на материале памятников местной деловой письменности): автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 1996.
20. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI-XVII веков): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2005.
21. Соловьев А. Н. Смоленская антропонимия конца XVI-XVII вв.: личные имена: автореф. дисс. к. филол. н. Смоленск, 2005.
22. Фролов Н. К. Антропонимия Приворонежья XVII в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 1972.
23. Чичагов В. К. История русских имен, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959.
24. Щетинин Л. М. Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики: сб. ст. / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М.: Наука, 1980.
25. Щетинин Л. М. Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 1.

Информация об авторах | Author information

Городилова Людмила Михайловна¹, д. филол. н., проф.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Gorodilova Lyudmila Mikhailovna¹, Dr

¹ Pacific State University, Khabarovsk

¹ gorodilova_l@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.04.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): историческая антропонимика; письменность Приенисейской Сибири; антропонимическая формула; антропонимы и идентификаторы; historical anthroponymy; written language of Yenisei Siberia; anthroponymic formula; anthroponyms and identifiers.